
Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Не нам пить ром ямайский. Ох, не нам.
Этапом не погнали б до Ямала...
Хвала задам железным! Фимиам
всем тем, кого фортуна обнимала.

Кому, вручив двуглавую печать,
отдельных кабинетов синекура
внушала ни за что не отвечать
от перекура и до перекура.

Кому здесь было многое дано,
с того и много спросят *там*, бездельник.
Чем радостней субботнее вино,
тем злей и нестерпимей понедельник.

А я — фигура малая. Уволь
меня судьба от участи счастливец;
едва ли мне по силам эта роль,
кривить душой и славою кичиться.

В которой вроде все тебе к лицу,
и все — тебе... Да только в воскресенье
тебе, на суд ведомому к Отцу,
едва ли светят слава и спасенье.

* * *

Как все для тебя еще просто,
когда ничего за душой,
лишь небо — от веста до оста,
да ветер, и дождь небольшой.

Когда нет ни долга, ни чести.
а ты — как зверек в колесе.
Когда еще хочется вместе,
когда еще можешь, как все...

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор одиннадцати книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер», «Дружба народов» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Лауреат Пятого всероссийского конкурса гражданской лирики им. Некрасова (2021), победитель Четвертого международного тургеневского фестиваля «Бежин луг» в номинации «поэзия» (2021) Живет в Санкт-Петербурге.

Когда ясно все. Лишь до дрожи
неясно: с чего это вдруг
взглянуть ты однажды не сможешь
так ясно на все здесь вокруг?!

Когда еще, кости ломая,
всю душу разбив тебе в кровь,
среди темных аллей ломовая
тебя переедет любовь.

Та самая, та, у которой
одна лишь преступная страсть:
не хуже воровки матерой
тебя у тебя ж и украсть.

Чтоб ты — и снаружи короста,
и камень пудовый в душе —
не мог так же ясно и просто
со всеми, как прежде, уже.

* * *

Моховою улицей движется поэт:
ежится, сутулится, как анахорет,
словно всюду вороги или всякий сброд —
зрит упорно под ноги, искрививши рот.
Ходят, как лунатики, все по Моховой:
что за прелесть аттики, стонут, Боже мой.
Что за чудо портики, если их поймешь:
вроде без эротики, а бросают в дрожь...

А ему балясина, капитель — ничто.
Пыль метет, орясина, драповым пальто.
Что ему до этого?! Зрит в себя с утра:
там души поэтовой черная дыра.
Словно Откровение, у него в суме
три стихотворения и одно в уме.
Лоб — сплошная ижица. Со своей сумой
он к журналу движется, что на Моховой.
Чтоб на славу громкую обменять стихи,
окончанья комкая и хрипя верхи.

У журнала всякого гениев не счесть:
есть стихи от Якова, от Исава есть.
И ведь сплошь новации. Верткий, как форель,
для тебя ль редакции кожаный портфель?!
Не видать неизбранным славы громовой...
Быть тебе неизданным. Шел бы ты домой.
Слава богу, много ли есть подобных мест,
где бы и на Гоголе был поставлен крест?!

Ах, стихов коробочка здесь полным-полна.
Хорошо хоть водочка для тебя — жена.
Перестань надеяться, или без суда
и тебя, как мельница, в пыль сотрет судьба.

Не признают гения в драповом пальто,
но вкушать забвение не тебе зато.

КОММУНИЗМ

1

Мне шептали с детства:
в жизни счастья нет,
есть для счастья средство —
коммунизма свет.

В коммунизме этом
некогда страдать;
и зимой, и летом
всем там благодать.

Там гудят народы,
все, кому не лень,
возле «пиво-воды»
с кружками весь день.

Нет там лютой власти;
в Туле и в Твери
сколько хочешь счастья —
приходи, бери...

2

Все свои таланты
бросил я на то,
чтоб ходили ханты
в драповых пальто,

как хохлы певучи,
широки в плечах...
чтоб по тундре чукчи
мчались в «москвичах».

Я торил, как в трансе,
в коммунизм тропу,
чтобы к счастью манси
вывести толпу.

Чтоб народам коми
жизнь была не труд:
ведь живут, как в коме,
и, как кони, мрут.

Я кормил собою
комарье и гнус,
но вот с поля боя
не бежал, как трус.

Просто за идею,
только за харчи
я гранит неделю
мог гранить почти...

3

В коммунизм бурьяном
поросла тропа.
Если б не был пьяным
я теперь, толпа,

указал бы место,
где, не зная сна,
для тебя, невеста,
для тебя, жена,

для тебя, подруга,
путь торил я, чтоб
если стянет туго,
что хоть прямо — в гроб,

иль какой Иуда
в губы без стыда
вдруг тебя... отсюда
ты могла — туда,

где давно в помине
лютой власти нет
над людьми. Где с ними
всюду правды свет.

Где тебе и кружка
в руки, и пирог,
ибо там, подружка,
всюду с нами Бог.

СЧАСТЬЕ

1

Что за годы были!
Помню, шел в забой,
где в пыли, да в мыле,
и в борьбе с собой,

все рубил породу,
а потом грузил...
Сколько там народу
не жалело сил!

Знал, что все сумею,
только чувств струну,
словно портупею,
малость затяну

и продолжу дальше,
как мужик — всерьез,
без обычной фальши
и привычных грез.

Там, во тьме кромешной
я две нормы мог,
а потом, конечно,
брел, не чуя ног.

помня лишь работу,
крепкое плечо
и как в спину кто-то
дышит горячо...

Черная работа,
голод, холод, мрак.
Было в этом что-то,
без чего никак.

Без чего не можно
человеку здесь,
пусть в нем жир подкожный
был, да вышел весь.

2

Как ни убивала
эта жизнь с кайлом,
а тайком, бывало,
шли мы напролом

к радостям нехитрым,
к женщинам чужим —
в сумке с целым литром
нарушать режим.

И чуть отпускало;
плакал человек...
Люся, Надя, Алла,
слава вам вовек!

Если бы не ваши
губы да сердца,
мир бы груб и страшен
был нам без конца

там, во тьме кромешной,
там, вдали от благ,
где живым, конечно,
без любви никак.

3

Я давно, Гертруда,
не герой труда
и теперь отсюда
все гляжу туда,

где чуть свет вставали
и давали план
облико морале
Марья да Иван.

Что за люди были
те, бывлые, мы?
Черные от пыли,
на плечах ломы,

Плавил эпоха
нас в своих печках.
Разве было плохо
с огоньком в очах?!

в душах, ты послушай,
свет такой, что мрак
и залез бы в души,
да ему никак.

Разве было скверно
с верою в душе,
что дорогой верной
и — вот-вот уже?!

* * *

Было время, когда жизнь кипучей волной прибывала...
А теперь даже время на убыль пошло, торопясь.
Но ведь я еще тот же, что в комнате тесной, бывало,
привалившись к столу, выходил с небесами на связь.

И к окну моему в тот же миг устремлялись светила
из соседних галактик и жадно летели на свет
электрической лампы моей, что ночами светила,
будто там им без света в окошке моем жизни нет.

И тогда за слова, от которых — мурашки по коже,
брался я, как примерно прилив — за кремень и агат,
притирая друг к другу и гальку прибрежную множа...
Вот и все, что имел и чем был баснословно богат.

Не спеши уходить. Я, как прежде, в том деле — Онассис!
Не смешно ль богатея такого в утиль как старье?!
Нужен дактиль кому? Будет дактиль. А если анапест —
пятистопным щемящим все выскажу... Это мое.

Я еще так могу, как никто здесь. Как прежде, я в деле.
И кремней, и агатов я столько еще перетру,
что засыпь ими пляж, вмиг себя ощутишь в Коктебеле,
где анапест и дактиль особо душе по нутру.

Ничего от меня тут потом для потомков — уж точно?!
Привалившись к столу в тесной комнате — тоже мне труд?!
А кремни и агаты, что я тут и денно и ночью?
Брось в огонь — не сгорят, и к глазам поднеси — не соврут.

* * *

Нет, дерево не плачет, умирая.
Хотя не обещал ему у края
в раю стоять Тот Самый, кто в игру
его втянул: то гнуться на ветру,

а то скрипеть суставами, костями
трещать, как несогласные с властями
трещат на дыбе, закусив губу,
чтоб только о пощаде — ни гу-гу.

Ни мученику как, ни страстотерпцу
Он не воздаст ему... А мне по сердцу,
когда *такому* слава и венец,
а не буржуйки ужас под конец.

Когда портрет с *такого* или слепок,
чтоб знали тех, чей дух, как дуб, был крепок.
Чтоб оставались в памяти людей
они названьем улиц, площадей...

Ты сам вот так попробуй, нет, не двести —
хотя бы год всего стоять на месте,
на вздохе замерев (о том и речь),
когда уже не сесть (не то что лечь!).

Плач здесь позволен иве да березе,
а прочий лес глотает молча слезы
и не кричит, ведь насмерть рот защит
любому, будь он дуб или самшит...

Здесь деревом лишь тот, боюсь, и *может*,
кого внутри вина гнетет и гложет,
но знает кто, что только так ему
позволено нести свою вину.

* * *

Наверное, только собаки,
которым прижали хвосты,
и будут с тобою во мраке
где будешь, наверное, ты.

Куриные кости, котлета,
вчерашний с визигой пирог...
Что ж, те вот хотя бы за это
с тобою мотать будут срок.

Ведь их лишь ты мог безвозмездно...
Ведь к ним ты и вправду питал...
В грядущем, которое — бездна,
они только твой капитал.

В краю, где не кол, так осина,
где вопль свой таи не таи...
хотя бы бесхвостая псина
лизать будет стружья твои.

Тебе став рабой и опорой
без всякой работы ума —
с любовью одной, от которой
тебя не спасет даже тьма.